

ваниях, тем не менее в конечном итоге они должны все-таки оказаться членами урало-алтайской семьи языков». ¹³

В той же книге, но в другой статье, носящей название «Генеалогическая классификация языков», он дает такую характеристику генеалогической классификации, на базе которой построена урало-алтайская семья языков: «Генеалогической классификацией языков называется деление всех языков на языковые семьи на основе наличия или отсутствия кровного родства» ¹⁴ (рядка наша. — А. Х.).

Это полностью совпадает с характеристикой генеалогической классификации, которая дается европейскими лингвистами. Например, Ушаков пишет:

«Что касается отношения родства языков к родству рас, то, естественно предполагать, что первоначально, ближе к первобытной эпохе, родство рас совпадало с родством языков, так как родственные языки являются языками потомков одного и того же расового целого». ¹⁵

Согласно Огура Симпэй японский язык вместе с корейским занимает следующее место в урало-алтайском древе:

Урало-алтайский праязык и пранарод

I. Западная ветвь (вымершие языки)	II. Уральская ветвь	III. Самоедская ветвь	IV. Турецко-татарская ветвь	V. Монгольская ветвь	VI. Тунгузская ветвь
1. шумерский 2. аккадский	1. финский 2. лапландский 3. венгерский	1. юкагирский 2. енисейские самоеды 3. остяки-самоеды	1. якутский 2. турецкий 3. узбекский	1. монгольский 2. калмыцкий 3. бурятский	1. тунгузский 2. манчжурский 3. японский 4. корейский

Таким образом, в этой схеме мы имеем развернутый тезис о японском языке как об одном из членов урало-алтайского праязыка, а, следовательно, и пранарода.

9. Взгляды Огура Симпэй и прочих развивает дальше С. Еситакэ в своих работах «Японские частицы ва, га и мо» (The Japanese particles wa, ga and mo; Bulletin of the School of Oriental Studies, University of London, Vol. VII, Part. I, 1935, S. 27—49); «Этимология японского слова фудэ» (Etymology of the Japanese word fude, ibid., Vol. V, Part. I, 1930, S. 45—53) «Аналитическое изучение спряжения японских глаголов и прилагательных» (An analytical study of the conjugations of Japanese verbs and adjectives; ibid., Vol. V, Part. III, S. 641—666); «Вспомогательные глаголы в монгольском» (Auxiliary verbs in Mongolian, ibid., Vol. V, Part. III, 1928; S. 521—539); «История японской частицы и» (The history of the Japanese particle i, ibid., Vol. V, Part. IV, S. 889—895).

Как видим, привлекается довольно обильный материал, который обрабатывается достаточно длительное время (1928—1935 гг.). Более того, Еситакэ отказывается от безнадёжных сопоставлений, не учитывающих фонетические закономерности; он широко пользуется сравнительно-лингвистическими штудиями европейских лингвистов компаративистов; из библиографических данных, приложенных к каждой работе, видно, что у него были под руками работы Рамстедта (например, «Ueber mongolisch pronomina; Das Schriftmongolische und die Urgamundart; Zur Verbstammbildungs-

¹³ Огура Симпэй, «Когуго оёби тэсэнго но тамэ», стр. 31—32.

¹⁴ Огура Симпэй, цит. раб., стр. 1—2.

¹⁵ Ушаков Д. Н., Краткое введение в науку о языке, ГИЗ, издание шестое, 1923, стр. 117.